СЕРНЫЙ РИКОШЕТ

ТашГРЭС проиграла в суде и теперь полной мерой должна заплатить за сверхнормативные выбросы. Но даже самых “зеленых” этот факт не может радовать – электростанция осталась при своих проблемах, а население, что дышит по розе ветров, – при ее грязных выбросах.
*\»Правда Востока\», 5.3.1999г. \»Серный рикошет\», 2001г.***ТашГРЭС проиграла в суде и теперь полной мерой должна заплатить за сверхнормативные выбросы. Но даже самых “зеленых” этот факт не может радовать – электростанция осталась при своих проблемах, а население, что дышит по розе ветров, – при ее грязных выбросах.**
На глазок

Исход суда по иску экологов к Ташкентской ГРЭС предвидели обе стороны – и истец, и ответчик: “Выиграет истец”. Ташкентский областной комитет по охране природы аналогичный процесс уже провел в мае 1998 года.
Тогда предъявил счет к энергетикам за неуплату за сверхнормативные выбросы третьего и четвертого кварталов 1997 года. Вместе с пеней, которая начисляется за каждый день просрочки платежей в размере 0,1 процента от суммы, счет составил более пяти миллионов сумов. Областной хозяйственный суд иск удовлетворил.
Теперь предметом судебного разбирательства стала неуплата за сверхнормативные выбросы следующего квартала. Сумма вместе с пеней, госпошлиной в бюджет, оплатой судебных издержек потянула на шесть с половиной миллионов. Решение суда: взыскать! Но на расчетном счету ТашГРЭС денег нет. Потому и дошло дело до суда. В прошлый раз судебный исполнитель так и не дождался поступления денег на счет. Было арестовано имущество электростанции. И в конце концов взяли с нее топливом – более чем семистами тоннами мазута. Его реализовали, а вырученные средства пополнили фонды охраны природы области и республики.
“Виновник платит!” – этот принцип популярен на Западе. Беглый взгляд на ситуацию с ТашГРЭС наводит на мысль, что и у нас теперь, как там: выбросила станция загрязняющих веществ больше разрешенного – пусть рассчитывается. Но точно, как в аптеке, с подсчетами пока не получается: “Предельно допустимые выбросы в 1993 году были установлены на глазок!”.
Вопрос, выплывший в ходе судебных прений, далеко не част-ного характера. Подошел срок для многих предприятий готовить новые тома ПДВ. Органам Госкомприроды – заново утверждать ограничения на выбросы. А предприятиям, в соответствии с ними, – платить. Насколько обоснованно?
Вернемся в не столь давнее прошлое. В 1978 году на союзном уровне было принято

постановление “О снижении вредного воздействия на атмосферный воздух”. Предполагалось внедрить знакомую нам формулу “виновник платит”.
Для этого задействовали рычаг – на тот момент не экономический, а законодательный – был принят Закон “Об охране атмосферного воздуха”, допускающий выброс вредных веществ только на основании разрешений, выдаваемых специально уполномоченными органами – гидрометами. Так появилась возможность потребовать от предприятий провести инвентаризацию.
Полученные данные помогали узбекистанскому Главгидромету нажимать на предприятия, добиваясь природоохранных мероприятий, новых технологий. В 1988 году эти функции перешли к специально созданному в республике Госкомитету по охране природы. А еще через три года газеты радостно информировали читателей: “Наконец заработали экономические рычаги. Принято правительственное решение о взимании с предприятий платы за сверхнормативные выбросы”.
Но возникла заковыка с определением этих самых сверхнормативных. Взять, к примеру, ТашГРЭС. Как влияют ее выбросы на загрязнение атмосферы в округе, неизвестно. Каков ее вклад? Увы, на тот момент экологи еще не продвинулись до столь обширных знаний. Прикинули: не меньше трети. Экологи говорили: “Вот изучим ситуацию, тогда скажем точно”.
Крупные загрязнители своими взносами пять лет пополняли областные и республиканский фонды охраны природы. ТашГРЭС заплатила десятки миллионов сумов, выбрасывая вместо разрешенного в несколько раз больше. Очевидно, деньги были истрачены на более важные природоохранные нужды, раз эта электростанция не получила ни копейки.
Тем временем подходил к концу пятилетний срок утвержденных экологами предельно допустимых выбросов. Энергетики, как положено, заказали специалистам новый том ПДВ. Те провели инвентаризацию выбросов, заложили в соответствующую программу ЭВМ данные, по формулам рассчитали рассеивание выбросов и получили совсем иные результаты. По ним выходило, что ТашГРЭС укладывается в определенную ей квоту и сверхнормативных выбросов не имеет.
Работа была завершена, представлена на экологическую экспертизу сперва в область, а после исправления замечаний – в Главную государственную экологическую экспертизу, осуществляющую свои функции при Госкомитете по охране природы республики.

Сыр-бор вокруг ПДВ

Он и в самом деле поднялся нешуточный. Даже сторонним от конфликта людям нетрудно понять, почему. Иссыхает один из важных источников пополнения фонда охраны природы – одна причина. Другая – электростанция находится в ближайшем соседстве с жилыми микрорайонами.
Проект тома ПДВ застрял в Главгосэкспертизе надолго. Сперва прошел первый тридцатидневный срок, отведенный для проведения экспертизы, потом второй, третий… Наступил новый год. А для ТашГРЭС – очередной суд, о котором мы уже рассказали. Что стоит добавить. Платить за сверхнормативные выбросы по старым меркам “полюбовно” на станции больше не намерены: “Не наша вина, что нормативная документация буксует”. Буксовать будет долго. Очевидно, предстоят бурные судебные процессы. И не только по ТашГРЭС. Лишь затяжной конфликт заставил Госкомприроду обратиться к специалистам Главгидромета с просьбой провести замеры уровней загрязнения атмосферного воздуха в зоне влияния выбросов ТашГРЭС на расстоянии трех-шести километров от нее.
За месяц независимые эксперты из Главгидромета должны были провести полтораста измерений, взяв около трехсот проб по трем примесям – диоксидам азота и серы и оксиду углерода. Есть еще и опасный ванадий, и ряд других. Их решили не охватывать —

разобраться бы с основными… К примеру, диоксид серы составляет более 60 процентов всех выбросов станции, а оксиды углерода влияют на глобальное потепление климата, и по сокращению их выбросов у Узбекистана есть особые обязательства.
Сами метеорологи оценили поступивший заказ как рекогносцировку. А для определения фоновых концентраций и характеристики района, определения степени влияния объекта нужно эпизодических наблюдений в течение года не менее восьмисот. Для их проведения Госкомприрода предложила договор на два миллиона сумов с установкой одного стационарного поста в наиболее уязвимом участке. Но одного поста недостаточно для составления реальных карт рассеивания выбросов и обоснованного определения вклада в загрязнение воздуха. И тем не менее это уже что-то.
Но только для ТашГРЭС. Картина по остальным предприятиям Ташкента да и другим промышленным городам по-прежнему будет смутной. Может быть, для того, чтобы избавить себя от лишних беспокойств, в Госкомприроде отменили ГОСТ, предписывающий пересматривать ПДВ не реже одного раза в пять лет. “Если на предприятии не меняется технология производства, без изменения остаются количество источников, количественный и качественный состав выбросов вредных веществ в атмосферу, разработка нового тома ПДВ не требуется. В этом случае срок действия тома ПДВ можно продлить на три года…”
Отмененный ГОСТ — старый. Но национальный стандарт пока не разработан. Да в ближайшее время и не появится, ведь управления нормирования и стандартизации в Госкомприроде ликвидированы. Что тревожит: тогда решение приняли на глазок, теперь тоже на глазок, возможно, будет так и завтра.

Решение проблемы специалистам известно еще с восьмидесятых годов, и мы уже о нем говорили. Напомню, необходимо проведение инвентаризации выбросов, определение концентраций в приземном слое по каждому ингредиенту, составление карт рассеивания. Тогда планировали создание сводных томов ПДВ по городам. Но сегодня всю эту информацию можно включить в электронную базу данных. Цены б ей не было при выборе площадок для новых объектов и экспертизе проектов!
В Госкомприроде накопление природоохранной информации в ЭВМ уже ведется. Но с “отменой” ГОСТа свежей информации по многим предприятиям нет. А должна поступать ежечасно, ежедневно, ежедекадно. В идеале она должна собираться и передаваться в автоматическом режиме.
Один из важнейших поставщиков – Главгидромет, ведущий мониторинг загрязнения воздуха в промышленных городах и некоторых населенных пунктах республики, к примеру, в Сариасие. “Наблюдения проводятся за небольшим количеством вредных веществ и на очень ограниченных точках отбора проб. Из-за этого получаемые данные обладают недостаточной репрезентативностью”, – с этой точкой зрения специалистов Госкомприроды в Главгидромете согласны. Пробы берутся по старинке, вручную. Сариасию приводят в качестве положительного примера потому, что тут это делается аж

восемь раз в сутки. А надо бы ежесекундно. Точно так же в автоматическом режиме приборы должны наблюдать за состоянием воздуха в районе Ташкентской ГРЭС, других напряженных точках узбекистанских городов.
На Западе такие приборы существуют. Стоят недешево, но мониторинг там что надо.

Они спорят, мы — дышим

По большому счету горожанину безразлично, кто с кем судится и в чью пользу решает суд. Главное, чтобы грязи над головой было поменьше. Отправляясь на электростанцию, я заранее приготовила вопрос: “Почему вас штрафуют, а чище воздух не становится?”
Трубы ТашГРЭС видно издали. Шлейф от них тоже. Вещества из него опадают на соседние жилые микрорайоны и дотягиваются до центра. Мне сказали, что если бы трубы были выше, ТашГРЭС работала, как положено по проекту, на газе, или мазут – резервное топливо, ставшее вторым основным, – был малосернистым, тогда не было бы у населения и экологов претензий.
Первый блок станции введен в 1963 году. За прошедшие десятилетия ее двенадцать блоков исчерпали двойной, а пара и тройной ресурс. Несмотря на возраст, выдает пятую часть всей вырабатываемой предприятиями Минэнерго электроэнергии. Но есть немало поводов для беспокойства. Ремонт выполняется заплаточный. Поменяли два дымососа и часть поверхностей нагрева – вот и все капитальные достижения.
Тогда предполагалось, что ее будущее – не в выработке электроэнергии, а в обеспечении котельных города горячей водой. С этой целью начали строить химцех, но планы у городских властей поменялись, и он стоит недостроенным. А миллион тонн условного топлива, на который должно было сократиться потребление, идет в топки. В итоге шестьдесят процентов всех выбросов станции составляют диоксиды серы, идут кислотные дожди, люди страдают заболеваниями дыхательных путей.
Использовать высокосернистый мазут ташкентцы начали в 1994 году. Тогда концентрации серы в получаемом станцией мазуте поднялись с 0,5-0,7 до 3,5 процента и даже выше. Если по проекту мазут предполагалось использовать в случае чрезвычайных ситуаций, стали жечь с сентября по март.
Руководителей из Министерства энергетики заслушивали на коллегии Госкомприроды. Был поставлен вопрос об эколого-экономической эффективности использования топлива на электростанциях Минэнерго. Дело не только в ТашГРЭС, когда речь идет о загрязнении окружающей среды. Приводились данные: “В 1997 году предприятиями Минэнерго выброшено в атмосферу 30 процентов от общего объема промышленных выбросов”. Говорилось о выполнении природоохранных мероприятий, о роли высокосернистого топлива в загрязнении воздуха.
Отметили работу, проведенную Минэнерго для решения этой проблемы. Японским консалтинговым институтом при содействии фирмы “Мицубиси корпорейшн” выполнено технико-экономическое обоснование строительства сероочистной установки на Ново-Ангренской ГРЭС. Она – с электрофильтрами, сероочисткой. Вот только стоит за сотню миллионов долларов. И так для каждой станции? И работать-то они будут сезонно, когда сжигают мазут, а это – дорогое удовольствие. Энергетики, страдающие от неплатежей, величина которых исчисляются десятками миллиардов сумов, ставят вопрос о том, чтобы сероочистные установки строились на нефтеперерабатывающих заводах. На что производители отвечают: “Вам надо – вы и стройте”.
Отношения поставщиков и потребителей мазута сложные, далеко не рыночные. “Узбекнефтегаз” – монополист. Заявки на поставку топлива полностью не выполняет. Как тут предъявлять претензии к качеству?
Первая претензия была высказана на коллегии в Госкомприроде. После чего начались

жаркие споры между поставщиками и потребителями топлива из-за сернистости. Решить проблему может только строительство и ввод сероочистных установок. И дальше есть о чем спорить специалистам. Они будут спорить, а мы – дышать.

Наталия ШУЛЕПИНА

\»Правда Востока\», 5.3.1999г. \»Серный рикошет\», 2001г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

03.05.2009